

Фойницкий Иван Яковлевич

Курс уголовного права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
И17

И17 **Иван Яковлевич Ф.**
Курс уголовного права / Фойницкий Иван Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 443 с.

ISBN 978-5-521-28476-4

ISBN 978-5-521-28476-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и въ оскорбленіи чести, цѣль наживы замѣчается и въ корыстныхъ посягательствахъ на имущество, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ посягательствъ на жизнь, здоровье и свободу человѣка. Болѣе пригодны для классификаціи преступныхъ дѣяній, по ихъ удобораспознаваемости, тѣ признаки, которые заключаются во внѣшнемъ составѣ преступнаго дѣянія, именно или въ способѣ дѣятельности, или въ субъектѣ и объектѣ посягательства.

Способъ дѣйствія имѣетъ важное значеніе для опредѣленія состава многихъ преступныхъ дѣяній и даже для вмѣненія ихъ въ уголовно-юридическую вину. По мнѣнію римскихъ юристовъ, всѣ преступленія учиняются или насиліемъ (*vis*), или обманомъ (*fraus*). Ни одна классификація не можетъ обойтись безъ этого признака; однако, онъ можетъ имѣть лишь видовое, а не родовое значеніе, потому что одинъ и тотъ же способъ дѣятельности возможенъ при различныхъ преступленіяхъ, и наоборотъ.

То же нужно сказать о различіяхъ по субъекту. Конечно, нѣкоторые преступныя дѣянія могутъ быть учинены лишь извѣстною группою лицъ, занимающихъ опредѣленное положеніе (напр., должностныя преступленія), и такіе дѣянія по признаку субъекта могутъ быть соединены въ одну группу; съ другой стороны, различія въ субъектѣ могутъ оказывать вліяніе на составъ преступленія въ предѣлахъ даннаго вида преступной дѣятельности (напр., отъ простого убійства отличаются дѣтоубійство и отцеубійство); но, въ видѣ общаго правила, каждое преступное дѣяніе можетъ быть учинено всякимъ лицомъ и потому различія въ субъектѣ, имѣя для классификаціи значеніе въ предѣлахъ данной группы, не могутъ быть приняты за родовое основаніе для распредѣленія всѣхъ преступныхъ дѣяній.

Признакомъ, наиболѣе для этого пригоднымъ и по своей удобораспознаваемости, и по наибольшей существенности его для состава каждаго преступнаго дѣянія, представляется объектъ посягательства. Уже римскіе источники по этому признаку дѣлили всѣ преступныя дѣянія на *cr. publica* и *del. privata*, смотря по тому, направлялись ли они противъ правъ публичныхъ или частныхъ; затѣмъ онъ получилъ дальнѣйшее примѣненіе въ законодательствахъ и наукѣ, но въ своемъ историческомъ процессѣ подвергся видоизмѣненію, и къ тѣмъ двумъ членамъ, которые знало римское право, мало-по-малу прибавился новый членъ. Этотъ историческій процессъ опредѣлился слѣдующими моментами.

Въ ряду благъ, на которыя могутъ посягать преступныя дѣянія, находятся такіе, которыхъ нельзя отнести ни къ благамъ личности, ни къ благамъ, принадлежащимъ государству; таковы посягательства на религію, нравственность, торговый оборотъ и т. п., если въ нихъ не за-

ключается посягательства на благо какого-нибудь отдѣльнаго лица. При существованіи двухчленной системы, съ такими дѣяніями, не входившими ни въ группу посягательствъ противъ личности, ни въ группу посягательствъ противъ государства, систематика прибѣгала къ слѣдующимъ приемамъ. Они выдѣляли ихъ въ отдѣлъ полицейскихъ нарушенийъ, ограничивая преступленія уголовныя посягательствами на личность и на государство; такова Іозефина, австрійскій кодексъ 1787 г., который дѣлитъ всѣ преступленія на уголовныя и политическія (т.-е. полицейскія нарушенія); къ первымъ отнесены уголовныя преступленія—противъ государя и государства, противъ человѣческой жизни и тѣлесной безопасности, противъ церкви и свободы, наконецъ, противъ имущества и иныхъ правъ; ко вторымъ причислены: политическія преступленія, причиняющія вредъ или опасность жизни и здоровью гражданъ; политическія преступленія, нарушающія имущество или иные права гражданъ; и, наконецъ, политическія преступленія, приводящія къ развращенію нравовъ. Но это рѣшеніе неудовлетворительно, ибо, какъ мы видѣли, самое раздѣленіе преступныхъ дѣяній на уголовныя и полицейскія не выдерживаетъ критики. Другіе расширяли понятіе государственныхъ преступленій, включая сюда и всѣ указанныя дѣянія; таковъ дѣйствующій нынѣ французскій *Code pénal* 1810 г., раздѣляющій всѣ преступленія и проступки на публичные (*contre la chose publique*) и частные (*contre les particuliers*); при чемъ къ первымъ отнесены не только посягательства противъ государства (гл. 1), но также противъ конституціи (гл. 2) и противъ общественнаго спокойствія (гл. 3), въ томъ числѣ: подлоги, шайки, нищенство, бродяжество, недозволенное сообщество и проступки печати. Но при этомъ выраженію „публичное преступленіе“ придается чрезвычайъ широкій объемъ, кромѣ посягательствъ противъ государства очевидно охватывающій посягательства противъ такихъ благъ, которыя одинаково принадлежатъ и личности, и государству. Отсюда сознаніе невозможности держаться двухчленной системы и прибавленіе къ ней третьяго члена—благъ общественныхъ какъ объекта преступныхъ дѣяній, такъ что послѣднія распредѣляются нынѣ на посягательства противъ благъ отдѣльнаго лица, противъ общества и противъ государства.

Другое важное измѣненіе произошло въ самомъ понятіи объекта преступнаго дѣянія. Прежде подъ нимъ понимали конкретное благо или субъективное право, смѣшивая преступное дѣяніе съ наказуемымъ правонарушеніемъ и относя тѣ дѣянія, которыя не заключали въ себѣ посягательства на субъективное право, развѣ только къ области полицейскихъ проступковъ. Нынѣ выяснилось, что собственно объектомъ преступнаго дѣянія должны быть почитаемы нормы или заповѣди, ко-

торыя имѣютъ своимъ содержаніемъ извѣстныя отношенія, составляющія условія общежитія; напр. заповѣди: „не убей“, „не покидай въ опасности“, „помогай погибающему“, устанавливаютъ отношеніе третьихъ лицъ къ жизни человѣка; заповѣди: „не укради“, „не присвоивай чужаго“ — отношенія ихъ къ имуществу; заповѣди: „относись осторожно къ жизни, здоровью и имуществу ближняго“, „не вступай въ связи съ людьми, питающими преступныя умыслы“, „снискивай пропитаніе честнымъ трудомъ“, содержатъ въ себѣ запретъ неосторожности и разныхъ опасныхъ дѣйствій, каковы: бродяжество, нищенство, противозаконныя сообщества и т. под. Какъ видно уже изъ приведенныхъ примѣровъ, одиѣ заповѣди устанавливаютъ ненарушимость субъективныхъ правъ, другія стремятся лишь къ устраненію возможной для нихъ опасности; одиѣ имѣютъ характеръ запретительный, другія — повелительный. Если такимъ образомъ преступное дѣяніе можетъ направляться не только къ нарушенію субъективнаго права, но и къ поставленію его въ опасное положеніе, то устраняется всякая необходимость раздѣленія преступныхъ дѣяній по природѣ ихъ на уголовныя и полицейскія. вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что всякое преступное дѣяніе имѣетъ два объекта посягательства: посредственный или отдаленный, конечный — нарушаемая имъ заповѣдь, и непосредственный или ближайшій — то отношеніе, которое ограждается данною заповѣдью, составляя ея реальное проявленіе. Поэтому и классификація преступныхъ дѣяній должна быть основана на различіи нарушаемыхъ заповѣдей по свойству отношеній, ими ограждаемыхъ. Но всѣ разнообразныя отношенія человѣка къ человѣку распадаются на три главныя сферы: частно-гражданскую, общественную и государственную. Поэтому, и преступныя дѣянія, направляясь противъ отношеній одной изъ этихъ сферъ, распадаются на три группы, которымъ усвоены названія посягательства противу отдѣльнаго лица или частныхъ благъ, противу общества и противу государства. Названіе первой изъ этихъ группъ не совсѣмъ точно и вызываетъ два замѣчанія: 1) принимая его, нужно помнить, что всѣ преступныя дѣянія наказываются нынѣ не во имя какихъ-нибудь частныхъ интересовъ отдѣльной личности, а во имя интересовъ общегосударственныхъ; поэтому и во всякомъ посягательствѣ на личность заключается, несомнѣнно, моментъ общественно-государственный; и 2) къ первой группѣ должны быть отнесены всѣ преступныя дѣянія, направляющіяся противъ отношеній частно-гражданской сферы, независимо отъ того, было ли представителемъ этихъ отношеній отдѣльное частное лицо или союзъ лицъ; такъ, напр., сюда входятъ посягательства противу имущественныхъ благъ, принадлежащихъ какъ лицамъ физическимъ, такъ и юридическимъ и даже государству въ качествѣ субъекта правъ имущественныхъ (казна).

Въ дальнѣйшемъ каждыя изъ этихъ частей трехчленной классификаціи распадается на болѣе мелкія рубрики. За основаніе ихъ также, главнымъ образомъ, принимаются различія въ объектахъ преступнаго дѣянія; такъ, по этому признаку преступныя дѣянія противу частной сферы могутъ быть разбиты на посягательства противъ благъ личности, каковы жизнь, здоровье, честь, свобода, и на посягательства противу имущества. Но этотъ признакъ иногда оказывается необходимымъ дополнить и развить другими, частью въ видахъ упрощенія классификаціи и сведенія къ одному мѣсту дѣлій, хотя и различающихся по объекту, но весьма сходныхъ по ихъ формѣ, частью въ тѣхъ видахъ, что дѣянія, имѣющія одинаковый объектъ посягательства, иногда въ отношеніи общественной ихъ важности и опасности представляютъ глубокія различія по другимъ элементамъ ихъ состава. Такими дополнительными признаками для классификаціи преступныхъ дѣяній служатъ:

1. Способъ дѣйствія. Къ нему въ этихъ видахъ уголовное право обращается или, во-первыхъ, когда однимъ и тѣмъ же, притомъ, удобо-распознаваемымъ способомъ дѣятельности, могутъ быть учинены посягательства противъ разнаго рода отношеній; напр., подлогомъ можетъ быть нарушено и право имущественное, и право состоянія даннаго лица, и даже отношенія, принадлежащія къ сферамъ общественной и государственной; вмѣсто того, чтобы трактовать о подлогахъ въ разныхъ мѣстахъ, удобнѣе свести все ученіе о нихъ къ одному мѣсту. Во-вторыхъ, когда осложненіе способа дѣйствія состоитъ въ томъ, что дѣяніе направляется одновременно противъ нѣсколькихъ объектовъ, при чемъ нарушеніе одного является средствомъ нарушенія другого; напр., случаи похищенія чужого имущества съ насиліемъ противъ личности оказывается нужнымъ отличить отъ случаевъ простого похищенія. Въ третьихъ, наконецъ, когда законодатель изъ нѣсколькихъ возможныхъ способовъ дѣятельности запрещаетъ, подъ угрозой наказанія, лишь нѣкоторые; это основаніе, заставляющее принимать способъ дѣйствія во вниманіе при классификаціи преступныхъ дѣяній, представляется, очевидно, наиболѣе важнымъ.

2. Характеръ и направленіе преступной воли. По этому признаку глубоко различаются между собою тѣ дѣянія, которыя направляются противъ чужаго имущества съ цѣлью присвоенія его (корыстная группа), отъ дѣлій, хотя равнымъ образомъ посягающихъ на чужое имущество, но безъ такой цѣли (некорыстная группа). Независимо отъ того, онѣ имѣютъ крупное значеніе при разграниченіи дѣлій умышленныхъ и неосторожныхъ, а иногда извѣстное направленіе воли законъ объявляетъ непремѣннымъ условіемъ наказуемости.

3. Особенныя отношенія виновнаго къ пострадавшему. Подъ влияніемъ этого признака выдѣляются въ особую группу преступ-

ныя дѣянія должностныхъ лицъ по службѣ государственной и общественной; онъ же перѣдко оказываетъ вліяніе и на классификацію отдѣльных видовъ преступныхъ дѣяній, входящихъ въ данную группу.

Независимо отъ указанныхъ, на классификацію преступныхъ дѣяній могутъ оказывать вліяніе и иные признаки, опредѣляющіе обстановку преступнаго дѣянія—время и мѣсто его учиненія, мотивы дѣятельности и т. под.; во всякомъ случаѣ, однако, признаки эти могутъ имѣть лишь значеніе дополнительныхъ къ главному устою всей классификаціи — предмету преступнаго дѣянія; забывая послѣдній, доктрина права рискуетъ придти къ произвольнымъ построєніямъ и создать совершенно неопредѣленныя формальныя группы дѣяній, какова, напр., была группа лживыхъ поступковъ по первоначальнымъ изданіямъ Свода.

Раздѣленіе всей совокупности преступныхъ дѣяній на три указанныя группы господствуетъ въ современной доктринѣ уголовного права. Оно принято и нашимъ Уложен. о наказаніяхъ. Послѣднее распадается на XII раздѣловъ, изъ которыхъ первый посвященъ постановленіямъ общаго характера, а остальные—отдѣльнымъ преступнымъ дѣяніямъ, а именно: раздѣлъ II—преступленіямъ противъ вѣры, раздѣлъ III—преступленіямъ государственнымъ, раздѣлъ IV—преступленіямъ противъ порядка управленія, раздѣлъ V—преступленіямъ по службѣ государственной и общественной, раздѣлъ VI—преступленіямъ противъ постановленій о повинностяхъ, раздѣлъ VII—противъ имущества и доходовъ казны, раздѣлъ VIII—противъ общественнаго благоустройства и благочинія, раздѣлъ IX—противъ законовъ о состояніяхъ, раздѣлъ X—противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ, раздѣлъ XI—противъ правъ семейственныхъ, наконецъ, раздѣлъ XII—противъ собственности частныхъ лицъ. Ближайшимъ образомъ, въ основаніе этого дѣленія составители уложенія желали положить порядокъ Свода законовъ, санкцію вѣхъ постановленій котораго должно было содержать уголовное законодательство; такъ, раздѣлы II и III улож. соотвѣтствуютъ законамъ основнымъ Свода (т. I); раздѣлъ IV—учрежденіямъ общимъ, государственнымъ и мѣстнымъ (т. I и II Свода); раздѣлъ V—тому III Свода, о службѣ гражданской; раздѣлъ VI—тому IV Свода, о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ; раздѣлъ VII уложенія—томамъ V, VI, VII и VIII Свода, объ управленіи казенномъ; раздѣлъ VIII—томамъ XI, XII, XIII и XIV Свода; раздѣлъ IX—тому IX Свода, о состояніяхъ; раздѣлы X, XI и XII—тому X Свода, законамъ гражданскимъ. Вліяніе системы Свода до нѣкоторой степени отразилось и на системѣ устава о наказаніяхъ. Но ссылаясь на систему Свода, составители Уложенія о Наказ. замѣчали: „вникая въ существо каждаго рода преступленій въ особенности, а равно и въ существо гражданскихъ отношеній, преступленіями нарушаемыхъ,

мы находимъ въ нихъ именно три главные разряда, одинъ отъ другого отличные... Еслибъ было необходимо дать общія, такъ сказать, генерическія названія каждому изъ сихъ разрядовъ, то преступленія, отнесенныя къ первому (раздѣлы II, III, IV, V, VI и VII улож.), можно наименовать государственными, отнесенныя ко второму (раздѣлы VIII улож.)—общественными, къ третьему (раздѣлы IX, X, XI и XII улож.)—личными или частными“. Дальнѣйшее подраздѣленіе каждой изъ этихъ группъ гр. Блудовъ объясняетъ такъ; „въ каждомъ изъ сихъ главныхъ разрядовъ заключаются три рода правъ: 1) права, ограждающія самую жизнь или существованіе личное; 2) права, ограждающія существованіе моральное, если смѣю употребить сіе выраженіе; и 3) права, ограждающія часть, такъ сказать, вещественную состояніи или благосостояніи. Отсюда и три рода преступленій, смотря по тому, какія изъ правъ ими нарушаются, и всѣ преступленія какъ государственныя и общественныя, такъ и личныя или частныя, раздѣляются на три категоріи“¹⁾.

Современные кодексы, принимая въ принципѣ ту же трехчленную систему, не проводятъ ее, однако, со всею строгостью, такъ что замѣчается различіе между законодательною классификаціею преступныхъ дѣяній и научною. Причины этого коренятся въ самомъ различіи между законодательствомъ и наукою. Законодатель издаетъ постановленія, наука выясняетъ понятія; для первого преимущественное значеніе имѣетъ наглядность кодекса и легкость его судебно-практическаго примѣненія, для второй — правильность уразумѣнія истинной природы преступныхъ дѣяній; первый обыкновенно начинается съ дѣяній, считаемихъ важнѣйшими, вторая должна начинать свое изслѣдованіе съ дѣяній простѣйшихъ; во главѣ системы кодексовъ стоитъ группа государственныхъ преступленій, во главѣ системы науки — группа посягательствъ противъ гражданско-правовой сферы. Важнѣйшія особенности законодательной классификаціи, обусловливаемыя этими причинами, суть:

1. Современные кодексы французскій, бельгійскій, германскій и голландскій выдѣляютъ въ одну группу и помѣщаютъ въ своей послѣдней главѣ всѣ постановленія о наименѣ тяжкихъ дѣяніяхъ (полицейскіе проступки) безотносительно къ различіямъ ихъ по предмету и инымъ признакамъ; того же пути придерживается венгерскій кодексъ, ограничивающійся постановленіями о преступленіяхъ и проступкахъ. Это объясняется всецѣло интересами судебно-практическаго удобства.

2. Современные кодексы ограничиваются раздѣленіемъ на отдѣлы или главы, не задаваясь стремленіемъ намѣтить всѣ дальнѣйшія под-

¹⁾ Общій объяснит. записка къ проекту улож. о наказ., стр. XLII, XLIII.

раздѣленія, что замѣчается еще въ кодексахъ французскомъ и нашемъ. Схема классификаціи новѣйшихъ кодексовъ выражается прямою линією. Схема прежнихъ кодексовъ есть подобіе родословнаго дерева.

Эти начала усвоены также финляндскимъ уголовнымъ уложеніемъ и уголовнымъ уложеніемъ 1903 г., съ тою лишь особенностью, что полицейскихъ нарушеній они не выдѣляютъ къ особому мѣсту.

Но эти соображенія простоты и наглядности кодекса не имѣютъ рѣшающаго значенія при построеніи научной классификаціи, для которой обязательно такое распредѣленіе изслѣдуемыхъ институтовъ, которое принимаетъ за исходную точку внутреннее родство ихъ. Принявъ за основаніе раздѣленіе всѣхъ преступныхъ дѣяній на указанные три коренныя группы, необходимо будетъ въ каждой изъ нихъ установить дальнѣйшую классификацію по юридической природѣ дѣяній, ими обнимаемыхъ. Мы начнемъ съ посягательствъ противъ частной сферы благъ, какъ простѣйшихъ и выяснившихся ранѣе въ историческомъ ходѣ уголовного законодательства. Затѣмъ мы перейдемъ къ важнѣйшимъ посягательствамъ противу условій общежитія, и, наконецъ, остановимся на посягательствахъ противу государства.

Отдѣлъ I. Посягательства на частную сферу.

§ 2. Эта группа дѣяній, направляющихся противъ частноправовой сферы отношеній, по различію послѣднихъ распадается на 1) посягательства противъ благъ личныхъ, или противъ личности въ тѣсномъ смыслѣ, 2) посягательства противу имущества, и 3) посягательства противъ правъ семейственныхъ. Послѣдняя категорія стоитъ на рубежѣ съ преступленіями общественными и имѣетъ ту сходную съ ними черту, что входящія въ нее дѣянія имѣютъ объектомъ своимъ одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ союзовъ— семью; разсматриваніе ихъ, поэтому, цѣлесообразнѣе отнести къ группѣ посягательствъ общественныхъ.

Блага личные суть: жизнь, здоровье, свобода, честь и цѣломудріе; согласно этому, посягательства на нихъ распадаются на 1) лишеніе жизни, 2) тѣлесное поврежденіе, 3) преступныя дѣянія противъ свободы, 4) противъ чести и 5) противъ цѣломудрія.

Имущественныя посягательства направляются или противъ права собственности въ цѣломъ его составѣ, или противъ отдѣльныхъ правъ, въ него входящихъ. Первые, въ свою очередь, могутъ направляться на имущество или въ смыслѣ конкретной тѣлесной вещи, или же въ смыслѣ опредѣленнаго отношенія лица къ отдѣльнымъ вещамъ или совокупности вещей, образующаго въ смыслѣ юридическомъ имущественное право, а въ смыслѣ бытовомъ имущество вообще. Посягательства того и дру-

того вида, притомъ, могутъ опредѣляться или корыстными побужденіями, или же побужденіями некорыстными.

ОТДѢЛЕНІЕ I. ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЛИЧНОСТЬ

Глава I. Лишеніе жизни ¹⁾.

А. Общее понятіе.

§ 3. Лишеніе жизни есть причиненіе виновнымъ смерти другому человѣку. Направляясь противъ существеннѣйшаго блага личности, преступленіе это издавна обращаетъ на себя вниманіе законодательствъ и доктрины. Опредѣленія о немъ встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ права. Научная разработка его всего ранѣе выяснила положенія, которыя мало-по-малу стали примѣнять и къ инымъ группамъ преступленій; ими положено начало нынѣшней т. наз. общей части уголовнаго права.

I. Виновникомъ лишенія жизни, какъ видно изъ представленнаго опредѣленія, можетъ быть всякое вмѣляемое лицо. Отношенія его къ жертвѣ преступленія могутъ оказывать вліяніе на наказуемость, не измѣняя самаго преступленія.

II. Предметъ преступленія. Лишеніемъ жизни нарушается заповѣдь „не убей“, которою охраняется жизнь человѣческая. Но при этомъ разумѣется жизнь человѣка посторонняго, такъ что къ понятію лишенія жизни не относится причиненіе смерти самому себѣ.

§ 4. Самоубійство. Прѣжними кодексами оно разсматривалось какъ тяжкій грѣхъ и облагалось наказаніями. Но а) наказанія за оконченное самоубійство не могутъ быть направлены противъ виновнаго, и если кого-либо караютъ, то только близкихъ ему лицъ; таковы лишеніе христіанскаго погребенія и примѣнявшіеся прежде изысканія съ имущества самоубійцы; б) наказанія за незаконченное самоубійство безцѣльны и вредны; онѣ не только не удерживаютъ отъ повторенія акта самоубійства, но, сообщая чрезмѣрную огласку происшедшему, препятствуютъ успокоенію духа покушавшагося на свою жизнь. Поэтому современные кодексы и доктрина отказались отъ нихъ. Изъ ненаказуемости же само-

¹⁾ Таганцевъ. О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву. Сиб. 1870. Колосовскій, очеркъ историч. развитія преступленій противъ жизни и здоровья по русскому праву, 1857; Неклюдовъ, руковод. къ особой части, т. I, стр. 249 и сл.; Лохвицкій, Курск., ст. 493 и сл. Объясненія къ проекту редакц. комиссіи о посягательствахъ противъ личности; Holzendorf, das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe.

убійства вытекаетъ и не наказауемость всякаго въ немъ участія; однако, нѣкоторые виды содѣйствія самоубійству наказываются какъ проступки *sui generis*, въ виду общегосударственнаго интереса охраненія народонаселенія.

Но отъ участія въ самоубійствѣ должно быть отличаемо лишеніе жизни, средствомъ для котораго виновный употребляетъ дѣятельность самого убиваемаго имъ. Если убиваемому дать въ руки смертоносное орудіе, назначеніе котораго для него непонятно, и побудить его сдѣлать изъ него употребленіе; если вслѣдствіе того онъ убилъ себя, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ убійствомъ, а не съ самоубійствомъ. Эта форма убійства возможна по отношенію ко всякому вмѣняемому субъекту, для котораго неизвѣстна смертоносность даваемого ему средства; съ нею мы обыкновенно встрѣчаемся въ дѣлахъ объ отравленіи и оговаривать ее въ законодательствѣ особо не представляется надобности. Надобность эта встрѣчается, однако, въ одномъ случаѣ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, есть ли налицо убійство или самоубійство; именно, если человекъ невмѣняемый или несовершеннолѣтній, еще недостаточно сознающій значеніе вышшаго дара — жизни, подстрекается къ самоубійству или получаетъ для того какую-либо помощь, поддерживающую явившуюся въ немъ рѣшимость лишить себя жизни; для устраненія всякихъ сомнѣній современныя законодательства особо оговариваютъ этотъ случай и относятъ его къ убійству.

Таково отношеніе современной доктрины къ разсматриваемому вопросу. Наше дѣйствующее законодательство стоитъ еще на прежней почвѣ. Уложеніе содержитъ рядъ постановленій о самоубійствѣ и участіи въ немъ, помѣщая ихъ въ раздѣлѣ X, о преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ (глава 2, ст. 1472—1476). Самоубійство оно наказываетъ при условіи, чтобы оно было учинено не въ состояніи безумія, умопомѣшательства или происшедшаго отъ болѣзни припадка безпамятства; при этомъ не требуется предварительнаго признанія душевнаго расстройства въ порядкѣ гражданскаго процесса; сверхъ того, наказауемость самоубійства отпадаетъ, если оно учинено или по великодушному патріотизму для сохраненія государственной тайны и иныхъ подобныхъ цѣлей, или женщиною при оборонѣ отъ изнасилованія (ст. 1474 ул.); однако, перечисляя эти частныя причины отпаденія наказауемости, законъ не устраниваетъ дѣйствія общихъ постановленій о причинахъ невмѣняемости и невмѣненія, такъ что, очевидно, дѣлаемый имъ частный перечень представляется совершенно лишнимъ и не полнымъ. Наказауемымъ самоубійство по нашему праву можетъ быть только при умысленности; неосторожное самоубійство не наказуемо. При этихъ условіяхъ законъ опредѣляетъ: за оконченное самоубійство — недѣйствительность завѣщательныхъ распоряженій самоубійцы, а для

христіанъ, сверхъ того, лишеніе христіанскаго погребенія; за покушеніе на самоубійство — церковное покаяніе, примѣняемое только къ лицамъ христіанскихъ исповѣданій, такъ что субъектомъ послѣдняго дѣянія не могутъ быть нехристіане.

Участіе въ самоубійствѣ склоненіемъ къ нему и пособничествомъ нашъ законъ сравниваетъ съ пособничествомъ умышленному убійству, что представляется совершенно неправильнымъ (ст. 1475). Кромѣ прямого участія, законъ предусматриваетъ побужденіе, посредствомъ соединеннаго съ жестокостью злоупотребленія власти, къ самоубійству подчиненнаго виновному или ввѣреннаго его попеченію лица (независимо отъ возраста послѣдняго); субъектами такого наказуемаго побужденія, кромѣ родителей и опекуновъ, могутъ быть и инныя лица, облеченныя властью надъ самоубійцею; побужденіе, о которомъ говоритъ ст. 1476, должно быть отлѣчаемо отъ склоненія или прямого подстрекательства къ самоубійству, наказуемаго болѣе тяжело, по ст. 1475 ул.; наказуемость — тюрьма съ ограниченіемъ правъ, а для христіанъ, сверхъ того, и церковное покаяніе.

Уголовное уложеніе 1903 г. существенно измѣняетъ эту систему. Самоубійство оно оставляетъ безъ всякаго наказанія, участіе же въ немъ разсматриваетъ какъ проступокъ *sui generis* и облагаетъ незначительнымъ наказаніемъ (заточеніемъ до 3 лѣтъ), ограничивая наказуемость наличностью оконченнаго самоубійства. Но подговоръ и содѣйствіе къ самоубійству лица невмѣняемаго или недостижнаго 17-ти-лѣтняго возраста и по уг. уложенію составляютъ видъ убійства, наказуемый каторгою; при этомъ безразлично для состава преступленія, учинилъ ли въ дѣйствительности потерпѣвшій самоубійство или только покушался на него (ст. 463).

§ 5. Убійство по соизволенію убитаго. По общему правилу, отъ cadaго блага, ему принадлежащаго, человѣкъ можетъ отказаться, и тогда о нарушеніи его не можетъ быть болѣе рѣчи ¹⁾; имущество брошенное перестаетъ быть возможнымъ предметомъ похищенія, согласившемуся на оскорбленіе оно можетъ быть нанесено безнаказанно, по правилу: *volenti non fit injuria*. Отсюда исключается благо жизни, признаваемое, по огромной важности его, неотчуждаемымъ; хотя самоубійца по современнымъ воззрѣніямъ ненаказуемъ, но невозможно предоставить всякому убивать другого по выраженному послѣднимъ желанію ²⁾; шансы

¹⁾ Развѣ, конечно, на отказываемое благо имѣется иное право, которое можетъ быть нарушено, напр., право кредиторовъ на имущество должника, право государства на личныя силы подлежащаго воинской повинности; но тогда измѣняется самый объектъ посягательства.

²⁾ Есть въ литературѣ и противоположное мнѣніе, сближающее убійство по согласію убитаго съ участіемъ въ самоубійствѣ; его высказываетъ авторни-